

Антонио Бандерас, 36 лет, родился в Малаге, Испания. Учился в школе драматического искусства в Малаге и начал свою актерскую карьеру в театре. В 1981 году переехал в Мадрид, работал там в театре и на телевидении. Дебют в кино — «Лабиринт страсти» режиссера Педро Альмодовара. Бандерас сыграл более чем в 30 испанских фильмах, в том числе в пяти фильмах Педро Альмодовара, включая «Свяжи меня!» и «Женщины на грани нервного срыва». Работал с такими режиссерами, как Антонио де Реал, Педро Коста, Карлос Саура, и другими. Дебют в Голливуде — «Короли мамбо» (1992). Первая крупная роль в Голливуде — «Отчаянный» (режиссера Роберта Родригеса), затем последовали «Филадельфия», «Интервью с вампиром», «Дом духов», «Любовь и тени», «Майами-блюз» и «Никогда не разговаривай с незнакомцами», «Убийцы», «Четыре комнаты». Женат на Мелани Гриффит (см. фото), у них — «общая» годовалая дочь Стелла.

ведь трудимся, как рабочиe. Делаем в Голливуде картины каждый день, мы на виду у публики. Я мечтаю скрыться от посторонних глаз, пожить нормальной семейной жизнью, подумать о профессии. Что касается отцовства — я чувствую себя великолепно. Девочка красива, здорова, она родилась в свободной стране, что для меня самое главное.

— Вы вновь женились и впервые стали отцом. Вам это нравится?

— Я люблю мою жену, у нас общие интересы. Не могу сказать того же о моей предыдущей женьтибе. Но не Мелани стала причиной моего развода, все было закончено с браком перед тем, как я ее встретил. Главное сейчас для нас — оберегать семейную жизнь от посторонних. Мы оба хотим сконцентрироваться на нашей работе, которую очень любим, на нашем ребенке, на наших детях, потому что их еще двое, и пусть они не одной со мной кровью, но я все равно должен о них заботиться как отец. Конечно, никогда не знаешь заранее, что может случиться, жизнь есть жизнь. В ней могут быть взлеты и падения, успехи и провалы, горести и радости...

Морин ДРЭГОН,
специально для «Собеседника».

Ж

елтая пресса всего мира с напряженным вниманием следит за личной жизнью «латинского любовника» Антонио Бандераса и его супруги, голливудской звезды Мелани Гриффит. Звездная пара, недавно произведшая на свет еще одну звезду — дочь Стеллу, постоянно подбрасывает темы для обсуждения. Одной из самых громких были съемки Бандераса в «Эвите», все время контролировавшиеся Мелани (Мадонна, знаете ли! Мало ли что...).

— Антонио, как вы реагировали на все эти слухи о том, что Мелани якобы сходила с ума от ревности к Мадонне, в то время как обе были просто тихими беременными женщинами?

— Между прочим, почти до самого конца съемок я и понятия не имел, что Мадонна беременна. Она очень хорошо хранила это в тайне. Мелани приехала на съемки просто потому, что мы хотели быть вместе. Мы оба слишком хорошо знаем все прелести нашей профессии, знаем, что не на пользу совместной жизни быть далеко друг от друга в течение нескольких месяцев. Мы условились с Мелани, что не будем соглашаться сниматься в одно и то же время. Мы мечтаем, чтобы у нас была настоящая семья. Я просто не хотел быть вдали от женщины, которую люблю, так долго, и вовсе не потому она была на съемках, чтобы шпионить за мной. Мелани и Мадонна подружились, они звонят друг другу, рассказывают новости о детях...

— Вас знают как драматического актера и конечно же как секс-символ, но у вас, оказывается, и прекрасный голос, если судить по «Эвите», первому мюзиклу, в котором вы снимались... Вы учились в детстве музыке?

— У меня нет никакого музыкального образования. Я пел в фильмах «Короли мамбо» и «Отчаяние» — все. Я играю на фортепиано и гитаре — как любитель. У меня в Лос-Анджелесе есть маленькая полупрофессиональная студия звукозаписи, и сейчас я готовлю один диск. Он называется «Посмотри на океан», вся прибыль пойдет в ЮНИСЕФ, я долгое время сотрудничаю с этой организацией. Я ездил со специальной миссией от ЮНИСЕФ в Сомали. У меня нет амбиций стать поп-звездой, просто мне нравится петь.

— Легко ли было танцевать с Мадонной?

— Мы много репетировали, но танец — не самая сложная часть сцены, которую вы имеете в виду. Ведь в этом эпизоде я впервые за весь фильм появляюсь не один. Мой персонаж — остров, привидение, одиночка, живущий в фильме во многом по законам Бертольта

Брехта. Он тот, кто устанавливает контакт с аудиторией. В сцене с Мадонной — Эвитой, которая является плодом воображения, мы видим, что Че, у которого ясные политические принципы и который во многом не согласен с Эвой, имеет к ней много вопросов. Не любовная сцена между мужчиной и женщиной, а символическая сцена связи народа со своим вождем. Вальс всей нашей жизни — вот что такое эта сцена для меня.

— Вы, конечно, знаете, что многие женщины, видя вас на экране, думают о сексе... В чем тайна вашего обаяния?

— Понятия не имею. Пусть женщины сами отвечают на такой вопрос.

— Но вы осознаете, насколько привлекательны для женщин?

— Шум вокруг моей особы возник, когда я появился в Голливуде. Во время работы у меня на родине ничего подобного не было. Я предпочитаю (я говорил уже неоднократно) не принимать это всерьез. Наверное, я родился с неплохими физическими данными, наверное, во мне есть какая-то сексуальная привлекательность. Но таких, как я — миллионы... В общем, я отношусь ко всей ситуации с юмором. Что еще мне остается делать? И вообще все это вопрос времени. Когда-нибудь наступит день, когда я начну лысеть, толстеть, весь мой так называемый «сексуальный шарм» уйдет — и что тогда? Я останусь сам с собой. Но я не собираюсь останавливать актерскую карьеру, поэтому работаю, работаю и работаю.

— Когда вы были на съемках в Аргентине, не ощущали ли вы чувства враждебности со стороны окружающих, как было с Мадонной? Могли ли вместе с семьей свободно появляться на улице, в магазинах?

— Ничего более страшного, чем папарацци, мы не встречали, а папарацци попадают не только в Аргентине, но и во всем мире. Я знаю Аргентину хорошо, в 1984 году я работал там в театре, меня принимали как короля, потом я приехал на съемки фильма «Любовь и тени», ездил на кинофестивали...

— Бывали ли вы в жизни в ситуациях, сходных с той, в которой существует ваш герой?

— Когда мне было пятнадцать лет, я все еще жил в стране с диктаторским режимом. Я начал работать в театре в четырнадцать, в университетском театре, и все, что там делалось, было выражением сопротивления режиму. Я помню день, когда умер Франко: я включил телевизор, увидел гроб с телом, толпы людей на главной площади Мадрида, кричащих: «Франко! Франко!» Я любил и ненавидел его. В то же самое время я плакал — не знаю почему. Это история моей страны. Мой отец прожил так сорок лет. Мы видели Франко каждый день по телевизору. Он был как родственник. Даже если мы его ненавидели, он был частью нашей жизни.

Мы ошущали это кожей, это у нас в крови. Все это я вспоминал, когда снимался в «Эвите».

«Эвита» — история, которая может повторяться и повторяться. В Аргентине, Америке, Азии, Африке, где угодно, — история любви и ненависти народа к своему лидеру.

— После первого эксперимента с мюзиклом хотелось бы вам сделать еще один?

— Определенно да. Особенно в театре — я же пришел из театра и навсегда храню в себе особенно чувство каждодневного общения со зрителями. Я бы очень хотел сыграть в мюзикле. На Бродвее или в Мадриде, да где угодно. Музыка — высшее выражение эмоций, слова иногда портят характер в фильме. Музыка гораздо быстрее пробуждает чувства в зрителях, чем слова, я люблю музыку, особенно классическую.

— Ваша карьера успешно развивается в Калифорнии. Значит, европейское кино вас потеряло?

— Ни в коем случае. Я просто переживаю сейчас такой период в моей жизни, и я счастлив работать в Америке, которая встретила меня с распростертыми объятиями, у меня дочь наполовину американка, но я не хочу терять возможности работать в моей родной стране или в Италии. Как раз сейчас я думаю о европейской постановке. Нет, я не сжигаю мосты. Я хочу вернуться в Европу и в то же время не уезжать отсюда. Последние два года были для меня очень напряженными. В Голливуде не легко работать. Может быть, я ошибся, согласившись так много сниматься. Это не очень хорошо по двум причинам. Первая — я мог слишком примелькаться. Люди будут говорить — о, Бандерас где только не появляется! И вторая — плохо, что мне не хватало времени хорошо подготовиться к ролям. Нужно быть честным с самим собой. Если вы хотите стопроцентной самоотдачи в такой картине, как «Эвита», нужно готовиться к роли четыре-пять месяцев. В позапрошлом году я слишком



фото Рейтер

АНТОНИО БАНДЕРАС: «МЕЧТАЮ СКРЫТЬСЯ ОТ ПОСТОРОННИХ ГЛАЗ»

Собеседник 23/1997 - 11-23 - 01-15